

Глава 21: Пусть лучше ленится

—

Как только Нин Муянь покинул двор Сицзиньюань вместе с Байлянем, во двор торопливо бежал мальчик двенадцати-тринадцати лет, чертами лица весьма напомилавший Нин Муяня.

Увидев, что во дворе остались только Тань Юнь и слуги, он замер, надолго уставившись на ворота двора. Лишь после напоминания слуг он подошел, чтобы поклониться:

— Матушка.

Тань Юнь, глядя на мальчишку семьи Нин, которого сама и воспитывала, нахмурилась:

— Почему Юй-эр здесь вместо того, чтобы усердно учиться в своем кабинете?

Нин Чжэньюй ответил:

— Сын услышал, что матушка пригласила лекаря из-за недуга, и очень беспокоился. Хотел проведать матушку.

Услышав от братьев слова, похожие как две капли воды, Тань Юнь почувствовала горечь. Она понимала, что Нин Муянь сказал это из издевки, тогда как Нин Чжэньюй – от чистого сердца.

Она изобразила нежную улыбку любящей матери:

— Ничего страшного, просто лекарь проверил пульс. Вероятно, дело в летнем зное. Юй-эр, скорее возвращайся к учёбе.

Нин Чжэньюй вполголоса спросил:

— Слышал, старший брат тоже был здесь?

Тань Юнь нахмурилась еще сильнее:

— Он уже вернулся к себе. Муянь занят делами, не смей его беспокоить. Тебе нужно усердно учиться, чтобы поскорее сдать экзамены и получить чин – стань таким же, как твой старший брат, и тогда он будет смотреть на тебя с уважением.

Нин Чжэньюй немного поник, но послушно ответил:

— Да, Юй-эр понимает.

— Цинчу, проводи молодого господина.

Проводив Нин Чжэньюя взглядом, Тань Юнь пришла в себя и обернулась к Цяожоу, ожидавшей своей участи.

— Ты всегда была исполнительницей и бдительной, как же ты допустила этот беспорядок сегодня! — Тань Юнь помрачнела. — Твой гнусный поступок заставил меня потерять лицо!

Цяожоу поняла, что путь во двор к Нин Муяню для нее закрыт. С плачем она подползла к ногам Тань Юнь:

— Госпожа, эта раба была в помутнении! Прошу госпожу простить Цяожоу на этот раз ради того, что я служила вам с детства!

Старая служанка, стоявшая подле Тань Юнь, сурово прикрикнула:

— Какая же ты бестолковая! Если бы не милость госпожи, знавшей о твоём расположении к старшему молодому господину, тебе бы не дали этого шанса. Раз у тебя не хватило умения исполнить задуманное – ладно, но ты ещё и опозорила госпожу!

Цяожоу обвиняли в дурных помыслах, и теперь она тем более не смела признаться, что сама подбросила свитки в комнату Байляня. Нин Муянь уже во всеуслышание объявил, что сам подарил их. Если она скажет обратное, наказание будет ещё суровее. Ей оставалось лишь молить:

— Цяожоу лишь не хотела обмануть ожиданий госпожи. Видя, как господин ценит этого лекаря, я разволновалась, поверила словам Цю-эр и совершила ошибку. Госпожа, пощадите!

Тань Юнь махнула рукой:

— Довольно! Ты за дуру меня держишь? Если бы ты просто поверила ей, ты бы не притащила его сюда так поспешно. Очевидно, ты сама всё подстроила, желая моими руками избавиться от этого лекаря. Ты меня разочаровала. Теперь, когда он велел мне наказывать тебя, ты никогда не сможешь вернуться в сад Диму. И в моем дворе для тебя нет места. Поедешь в загородное имение.

Имения обычно находились в деревенской глуши за городом. Какие бы хорошие условия там ни были, это не шло ни в какое сравнение с жизнью в поместье. Будучи старшей горничной, она привыкла сама отдавать приказы, а не гнуть спину на черной работе. Услышав приговор, она начала неистово бить поклоны, разбивая лоб в кровь.

От этих криков Тань Юнь лишь больше раздражилась. Она велела двум служанкам утащить её прочь.

— Госпожа, не принимайте близко к сердцу, не стоит гневаться из-за простой служанки.

Тань Юнь отхлебнула успокаивающего отвара:

— Я сержусь не на эту девицу. Тем более на такую бесполезную. Я злюсь на Нин Муяня. Ты видела, как он вел себя сегодня? Заступился за какого-то лекаря и перечил старшим. Жизнь в этом поместье становится невыносимо душной.

Старая служанка, обмахивая госпожу веером, заметила:

— У молодого господина нрав всегда был холодным и жестким, за столько лет мы привыкли. Но то, что он вступился за лекаря в таком пустяковом деле, – это и впрямь странно.

— Не лекарь ему важен. Он просто хотел уязвить меня, ударить по лицу.

Служанка мягко ответила:

— Госпожа говорит в сердцах.

Тань Юнь немного успокоилась:

— Ты хочешь сказать, что Нин Муяню приглянулся этот гер?

Сказав это, она сама же покачала головой:

— В нем нет ничего выдающегося. Нин Муянь слишком горд, как он мог на него позариться?

— В жизни всякое бывает. Стал бы молодой господин дарить свой нефрит обычному человеку?

Тань Юнь нахмурилась, а затем вдруг рассмеялась:

— Если так, то мне стоит навеститься в павильон Баоаньтан и засвидетельствовать почтение старой госпоже.

В павильоне Баоаньтан старая госпожа Нин после обеда по обыкновению молилась Будде в задних покоях, когда ей доложили о приходе Тань Юнь.

— С чего бы это ей приходиться в такой час?

Старая служанка, служившая ей десятилетиями, прошептала ей что-то на ухо. Старая госпожа отложила четки.

— Эти мать и сын всегда ладили лишь на словах. Наверняка пришла жаловаться, — она вздохнула. — Ладно, выйдем к ней.

— Матушка, как вы себя чувствуете? Обедали ли вы?

Старая госпожа пригласила Тань Юнь сесть и велела подать чай:

— Жара такая, что аппетита нет. Съела немного рисовой каши. Муянь привез из «Шангуаньчжай» вишневое варенье, после него и вовсе ничего съесть не смогла.

Тань Юнь заботливо произнесла:

— В такой зной, матушка, вам нужно беречь себя.

Затем она как бы невзначай добавила:

— Кстати, о Муяне... Он ведь тоже заходил, но не остался пообедать с матушкой, а поспешил ко мне, чтобы забрать своего лекаря. — Она усмехнулась. — Будто я сама не в силах разобраться с делами слуг.

Старая госпожа ответила:

— Я слышала об этом. Муянь — учёный, он такой же справедливый и прямой, как его отец. Он пошел объясниться с лекарем, чтобы не вышло недоразумения. Не принимай это близко к сердцу.

— Муянь мне как сын, как я могу на него обижаться? Просто невестку гложут сомнения: Муянь никогда не вникал в мелочи поместья. Если нужно было прояснить дело, мог бы послать Цинмо. Зачем идти самому? К этому маленькому лекарю он относится как-то по-особенному, даже нефрит свой пожаловал.

Старая госпожа приподняла веки, блеснув пронизательным взглядом:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Боюсь лишь, как бы Муянь не сбился с пути. Этот лекарь хоть и из деревни, но язык у него острый. Боюсь, как бы он не затуманил разум Муяня и не натворил дел.

Старая госпожа рассмеялась:

— Муянь уже взрослый мужчина. Если он не сможет отличить правду от лжи в словах деревенского гера, как он сможет в будущем нести ответственность за огромное состояние семьи Нин? Я знаю, ты беспокоишься о нем, но не нужно видеть беду там, где её нет. Пусть набирается опыта, и опыт этот – не только в книгах и домашних делах.

В завершение она добавила:

— Впрочем, сегодня Муянь и впрямь повел себя необычно. Я присмотрю за этим.

Тань Юнь сухо улыбнулась. Раз старая госпожа так сказала, продолжать было нельзя – иначе это выглядело бы как намеренная попытка разжечь ссору.

— Матушка права.

Старая служанка Кан, прислуживавшая старой госпоже, подождала, пока Тань Юнь уйдет, и сказала:

— Надо же было госпоже проделать такой путь.

— Муянь забрал у нее человека на глазах у всех, она чувствует, что потеряла лицо, вот и злится. Тяжело ей пришлось в семье Нин. Впрочем, виноватых нет – это всё девка Цяожоу заварила кашу. Хорошо, что её выслали, такие слуги лишь сеют раздор.

Старая служанка Кан кивнула и спросила:

— Не желает ли госпожа сама увидеть этого лекаря из двора старшего молодого господина?

Старая госпожа усмехнулась:

— Его только сегодня обидели в Сицзиньюане. Если я его сейчас вызову, что подумает Муянь? Не нужно.

— Госпожа приходила жаловаться, но отношение старшего молодого господина к лекарю и впрямь иное.

— Сколько Муяню лет? Уже восемнадцать! Молодые люди в его возрасте, если не женаты, то давно имеют полный двор наложниц и служанок. Его друг Ци Чжуо, что одного с ним года, уже больше года как женат. — Старая госпожа потерла виски. — Сколько лет я пыталась доставить ему то красавиц, то нежных дев – и кого из них он позвал к себе служить?

Старая служанка Кан улыбнулась:

— Молодой господин чист помыслами, он не из тех, кто преследует удовольствия. Всё его сердце – в книгах и делах семьи, так как же он может находить время для чего-либо ещё?

Старая госпожа покачала головой:

— Какой бы «чистый» он ни был, он всё же мужчина. Негоже ему быть без присмотра. Раз он сам привез кого-то – одной заботой у меня меньше.

Старая служанка Кан поддакнула:

— Тот гер из приличной семьи, к тому же лекарь – сможет позаботиться о нем. Если у него нет дурных мыслей, то его присутствие рядом с молодым господином – это неплохо.

— Если Муянь так его ценит, то в будущем, когда в дом войдет законная жена, можно будет сделать его наложником. Ты приглядывай: когда Муянь позовет его к себе в покои – приведи гера ко мне, я посмотрю на него. Нельзя допустить, чтобы он возгордился от благосклонности и развил в себе какие-либо неподобающие мысли.

...

Байлянь так расслабился за день отдыха, что утром едва смог встать. Лишь когда Саньлэн добавил в воду для умывания вдвое больше обычного количества освежающего масла, он немного пришел в себя, хотя голова всё еще была тяжелой.

Едва волоча ноги, он вовремя добрался до кабинета. Нин Муянь, словно непоколебимая статуя Будды, уже сидел за столом, бодрый и полный сил.

Не дожидаясь указаний, Байлянь принялся повторять иероглифы, выученные ранее. Достал бумагу, растер тушь...

Спустя одну палочку благовоний Нин Муянь закончил писать и поднял взгляд на соседний стол. Он нахмурился, встал и тихими шагами подошел к Байлянью.

Тот, кто должен был писать, незаметно прилег на стол и уже мерно дышал во сне.

Нин Муянь невольно покачал головой. С такой привычкой спать на уроках – в школьном классе его бы точно побили линейкой по рукам.

Странно... Он помнил, что в прошлой жизни Байлянь был очень прилежен и жаден до знаний. Его дворик был близко к школе, и он часто подслушивал уроки. Нин Муянь тогда велел слугам не мешать ему и даже посылал простые книги.

А теперь... То ли условия стали слишком хорошими, то ли еще что – он стал таким ленивым.

«Возможно, вчерашнее его напугало, и он всю ночь ворочался без сна», — с сочувствием подумал молодой господин.

Но затем он рассудил иначе: даже если это не испуг, а просто лень – пусть. Лучше пусть будет ленивым, зато так его легче прокормить и содержать, чем если бы он постоянно устраивал шум. Нужно просто набраться терпения.

Он наклонился, чтобы забрать кисть, которую Байлянь всё еще сжимал в руке. Заметив темные круги под его глазами, он не решился его будить. Всё равно час был ранний, а в таком состоянии от учебы толку не будет – пусть поспит.

Однако стол был жестким, после сна на лице мог остаться красный след. Нин Муянь оглядел кабинет и заметил на вешалке тонкое одеяло.

Он сложил его в квадрат и пригнулся, собираясь осторожно приподнять голову Байляня. Но не

успели его пальцы коснуться лица юноши, как тот, чей сон казался таким глубоким, внезапно открыл глаза. Темные зрачки сначала смотрели затуманенно, но быстро прояснились.

Байлянь спросонья ничего не понял. Открыл глаза – а Нин Муянь склонился над ним почти вплотную. Сердце в груди зашло в бешеном ритме:

«Что он делает? Неужели хотел меня потрогать?!»

Заметив этот взгляд, Нин Муянь смутился, сухо кашлянул и положил сложенное одеяло на стол.

Байлянь посмотрел на мягкую «подушку», а затем на Нин Муяня.

— Поспи еще немного.

Байлянь поджал губы. Он думал, что тот рассердится.

Увидев, что Нин Муянь вернулся к своему столу, он притянул мягкое одеяло к себе, слегка сжал его пальцами, и в его глазах промелькнула улыбка.

—

<http://bllate.org/book/15039/1412320>